

В. Веножинский

Смертная казнь и террор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
В11

В11 **В. Веножинский**
Смертная казнь и террор / В. Веножинский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 45 с.

ISBN 978-5-458-40698-7

Издание представляет собой исследование по проблеме российского революционного терроризма конца XIX - начала XX вв. В книге рассматриваются следующие вопросы: история смертной казни, террор - его руководители, исполнители и примеры террористических актов, критика доводов, приводимых противниками смертной казни за террор и другие вопросы.

ISBN 978-5-458-40698-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

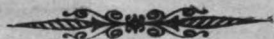
www.samizday.ru/reprint

Вячеславъ Веножинскій.

Смертная казнь

и терроръ.

2891 1 89A
(докладъ В. І. Веножинскаго въ Русскомъ Собраніи 22 февраля
1908 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная Типографія. Подольская, 34.
1908.

Варшавский университет

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

N 1000000

APR 1 1932

(получено в библиотеку в 1932 году)
1932 год

Организованная Трудом и Капиталом
1932

Смертная казнь и терроръ.

(докладъ В. І. Виножинскаго въ Русскомъ Собраніи).

Введеніе.

Цѣль доклада.

Приступая къ разсмотрѣнію вопросовъ о смертной казни и террорѣ, я имѣю въ виду главнымъ образомъ потребности переживаемаго нами времени. Поэтому, я не нахожу нужнымъ утомлять Ваше вниманіе излишнимъ перечисленіемъ и характеристикой всѣхъ выдающихся сочиненій за и противъ смертной казни, — различныхъ направленій и школъ, которыя рождались и умирали въ ту или иную эпоху, смѣняя одна другую. Я считаю важнымъ прослѣдить не исторію литературы по данному вопросу, но исторію самую вопроса. Я поставилъ цѣлью настоящаго доклада разсмотрѣть причины, факторы, которые являлись источникомъ обильныхъ казней въ различныхъ эпохи, — посмотрѣть сохранились ли эти причины въ настоящее время, и если онѣ не сохранились, если онѣ исчезли, то не народились ли, къ сожалѣнію, новыя, и какія именно?

Я считаю нужнымъ прослѣдить, далѣе, причины распространенія на Западѣ и у насъ, въ Россіи, *организованнаго убійства—террора*, создавшаго настоящее положеніе вещей, до того морально невыносимое, что русская нація, русская общественная мысль, литература, православная христіанская вѣра, русскія учебныя заведенія, — та власть, которая должна быть въ Россіи русской — исполнительная и судебная, — вся духовная жизнь наша подавлена и забита въ уголъ, какъ „черносотенная“, „реакціонная“, „ненужная“, а на ея мѣсто медленно и упорно воздвигается новое Царство — Израильское: царство партій, мелкихъ честолюбій и авантюристовъ...

Вотъ почему, въ интересахъ времени

и момента, мнѣ поневолѣ приходится сократить свой докладъ, выкинувъ изъ него цѣлый рядъ научно интересныхъ, но чисто теоретическихъ ученій, — ограничиться краткой характеристикой литературы по вопросу о смертной казни и прямо перейти, затѣмъ, къ исторіи самаго вопроса.

Литература.

Изъ выдающихся, въ 19 вѣкѣ, сторонниковъ смертной казни за *тяжчайшія* преступленія, я долженъ назвать слѣдующихъ:

Джонъ Стюартъ Милль, — англійскій ученый, извѣстный мыслитель — позитивистъ, и депутатъ англійскаго парламента.

Въ 1868 году, въ палатѣ депутатовъ, при обсужденіи проекта о *полной* отмѣнѣ смертной казни, Д. С. Милль выступилъ неожиданнымъ противникомъ подобной отмѣны.

Милль доказывалъ, что „разъ преступникъ совершилъ *тяжчайшее* преступленіе, и нѣтъ никакой надежды, что въ будущемъ онъ окажется болѣе достойнымъ жизни, и даже можно предвидѣть, возможность дальнѣйшихъ преступленій, — то обществу не остается болѣе подходящаго и дѣйствительнаго средства самозащиты, какъ лишить преступника жизни, которой онъ оказался недостойнымъ“... „Смертная казнь“, говорилъ Милль, „гораздо менѣе жестока, чѣмъ пожизненное тюремное заключеніе, являющееся медленной и мучительной смертью“...

Надо сознаться, господа, что доводы эти, съ точки зрѣнія научной не представляютъ интереса и достаточной убѣдительности, — но знаменательно то, что такой либеральный, наблюдательный прак-

тикъ и добросовѣстный ученый, какъ Д. С. Милль, не отнесся легкомысленно къ вопросу, оцѣнилъ сразу важность проекта, его жизненную фальшь и, не боясь партійнаго осужденія, нашелъ нужнымъ подать свой голосъ противъ принятія проекта.

Проектъ былъ, дѣйствительно, палатой отвергнутъ и казнь за *тяжкія государственныя* преступленія сохранена.

Въ 1871 году, въ Рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго Союза, въ томъ же духѣ, какъ и Д. С. Милль въ Англіи, высказался другой, еще болѣе опытный, государственный дѣятель и націоналистъ по убѣжденіямъ—*князь Бисмаркъ*—железный канцлеръ.

Онъ говорилъ, что 1) противники казни больше щадятъ преступника, чѣмъ его жертву, 2) что они, дѣлая различіе между наказаніями въ мирное и военное время, не хотятъ предоставить мирному гражданину больше гарантій личной безопасности, чѣмъ преступнику, и 3) что, наконецъ, опасность лишиться жизни, которой подвергается рабочій во многихъ отрасляхъ производства, гораздо значительнѣе, чѣмъ шансы быть казненнымъ для тяжкаго преступника, — однако же никому не приходитъ въ голову мысль объ уничтоженіи этихъ производствъ; 4) въ движеніи противъ смертной казни, говорилъ Бисмаркъ,—не участвуютъ общество и народъ,—возникло же оно и поддерживается почти исключительно или учеными криминалистами или судьями и присяжными. Объясняется это—болѣзненной сентиментальностью, съ одной стороны, а съ другой—боязнью брать на себя отвѣтственность при назначеніи смертной казни.

Рейхстагъ, послѣ долгихъ преній, несмотря на сильную оппозицію и краснорѣчіе депутата Ласкера, который доказывалъ, что нѣмецкое общество находится въ такомъ положеніи мирнаго преуспѣванія и достигло настолько высокой культуры, что вовсе не нуждается въ огражденіи своей безопасности путемъ смертной казни,—Рейхстагъ, говоря я, внявъ доводамъ Бисмарка и отвергъ этотъ проектъ, принявъ во вниманіе ту простую истину, что смертная казнь страшна и, стѣснительна лишь для *тягчайшихъ государственныхъ преступниковъ*, но отнюдь не для мирныхъ гражданъ...

Далѣе, *Давидъ Фридрихъ Штраусъ*,

нѣмецкій радикальный мыслитель и религіозный критикъ, также отстаиваетъ, въ своемъ сочиненіи «о старой и новой религіи», сохраненіе смертной казни за тягчайшія преступленія.

Другая категорія новѣйшихъ ученыхъ, противниковъ смертной казни, самая обширная въ 19-мъ вѣкѣ—отрицаетъ цѣлесообразность, разумность и необходимость примѣненія смертной казни и за такія преступленія, отъ которыхъ становится тяжело и неудобно жить въ государствѣ, и очевидноми которыхъ являемся всѣ мы въ настоящую эпоху. Среди этой группы ученыхъ лучшими изслѣдователями признаны:

1) Покойный проф. Кіевскаго Ун. А. Ф. *Кистяковский*, умершій въ 85 году; его трудъ «изслѣдованіе о смертной казни», фактическимъ матеріаломъ котораго я отчасти воспользовался въ 1-ой части своего доклада—считается, по своему безпристрастію, новизнѣ историческаго матеріала и богатству эрудиціи, «классическимъ», «лучшимъ произведеніемъ во всей европейской литературѣ» по вопросу о смертной казни.

Таково мнѣніе, напр., выдающихся ученыхъ—юристовъ, профессоровъ Сергѣевского, Фойницкаго, Н. С. Таганцева, Бѣлогрица—Котляревскаго и цѣлаго ряда другихъ.

2) Рядомъ съ этимъ трудомъ, но никакъ не выше его ставится сочиненіе нѣмецкаго ученаго *Гетцеля*—«смертная казнь въ ея культурно—историческомъ развитіи».

3) Значительно ниже этихъ трудовъ—произведеніе *Гауса* «Смертная Казнь, ея прошедшее, настоящее и будущее».

Всѣ эти и болѣе мелкіе ученые принадлежатъ къ такъ называемой философско—исторической школѣ, которая смѣнила собою въ исторической послѣдовательности, утилитарно—соціологическое и метафизическое направленіе.

Заслуга этой историко-философской школы заключается въ томъ, что вопросъ о смертной казни она поставила на реальную почву, что въ основу своихъ выводовъ она положила историческія и статистическія данныя, а не отвлеченныя логическія разсужденія о томъ—справедлива ли смертная казнь, имѣетъ ли государство право наказывать, нарушила или нѣтъ человѣческая жизнь,—допускать ли ее ученые Христово, и. т. д.

Общая характеристика литературы
о „смертной казни“.

Знакомясь заново и перечитывая обширную литературу по вопросу о смертной казни, я невольно обратил внимание на следующие типичныя черты всѣхъ научныхъ изслѣдованій:

При всѣмъ безпристрастїи выдающихся ученыхъ, ихъ кропотливомъ и добросовѣстномъ отношенїи къ дѣлу, тщательномъ анализѣ собраннаго матеріала и, несмотря на похвальное желанье даже такихъ талантливыхъ тружениковъ, какъ Кистяковский или Миттермайеръ, быть въ своихъ трудахъ лишь „безстрастными зрителями, слѣдящими за законами историческаго развитія того или другого явленія“—ученые не осмѣлились сбросить съ себя извѣстный *республиканскій предразсудокъ науки* о государствѣ и подойти къ интересующему ихъ вопросу съ чистой душой. Нѣтъ, они подошли къ нему съ предвзятой мѣрой, съ идеей о народномъ представительствѣ, въ *формѣ парламента*, какъ идеала государственнаго строя, со всѣми, однако, его злостными качествами, къ которымъ должно отнести: а) замѣну естественныхъ группъ населенія—сословій и классовъ—созданныхъ самой жизнью и потребностями общества—чисто искусственными „партіями“, создаваемыми отдѣльными честолюбцами, для достиженія власти или вліянія, или, что еще хуже,—для осуществленія кабинетныхъ гипотезъ; б) частые выборы, волнующіе населеніе,—отвлекая его отъ обычнаго труда, разжигая страсти, разбивая праздность, зависть и вражду къ власти, неуваженіе къ существующимъ законамъ, которые неизбежно подвергаются критикѣ всякой новой партіи, овладѣвшей въ данный моментъ парламентомъ. Отсюда неуваженіе къ правительственной власти, къ законамъ, которые мѣняются чуть не каждыя пять лѣтъ, или даже чаще, такъ что населеніе не успѣваетъ ознакомиться съ ними; отсюда непрерывныя волненія—результатъ партійной агитаціи, партійной литературы, растлѣвающей народную и молодую душу;—неизбѣжныя при выборахъ подкупы и убійства, открытая революціонная проповѣдь „лѣвыхъ“ депутатовъ, и цѣлый рядъ другихъ тяжелыхъ для страны послѣдствій, которыхъ не перечислишь и не предвидишь... А въ резуль-

татѣ—полное неудовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей населенія, съ которыми депутаты парламента, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго ни въ одной странѣ.

Съ такой то предвзятой идеей о народномъ представительствѣ, въ *формѣ парламента*, какъ высшей формѣ государственнаго строя, всѣ даже выдающіеся ученые приступаютъ къ своимъ изслѣдованіямъ. Отсюда получается иногда рядъ курьезныхъ, неразъяснимыхъ выводовъ и противорѣчій.

Такъ, извѣстный нѣмецкій ученый профессоръ Гейдельбергскаго Университета К. Ю. Миттермайеръ, въ своемъ сочиненіи „Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ“, въ § 1, жолоа доказать, что законы, допускающіе смертную казнь, свойственны только неограниченнымъ монархіямъ, приводитъ слѣд. примѣръ: «Законы Порція (leges Porciae) отиѣнили смертную казнь, и вмѣсто нея стали появляться болѣе мягкія наказанія. Мало по малу, однако, съ паденіемъ древней римской добродѣтели, смертная казнь начала входить въ употребленіе, и въ эпоху Императоровъ сдѣлалась общимъ наказаніемъ для всѣхъ тяжкихъ преступленій, ибо въ это время, при дурномъ управленіи, исчезли уваженіе къ человѣческому достоинству и гражданское чувство»... А въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Миттермайеръ такъ пишетъ: „...Послѣ того, говоритъ онъ, какъ образовалась въ Римѣ республика и честь и свободная гражданственность стали пользоваться высокимъ уваженіемъ—тамъ возникъ взглядъ, что смертная казнь идетъ только для *грубыхъ и несвободныхъ людей*“...

Надо сказать, господа, что такихъ „*грубыхъ и несвободныхъ людей*“ въ римской республикѣ, гдѣ по отзыву г. Миттермайера «честь и свободная гражданственность пользовались высокимъ уваженіемъ»,—такихъ людей было въ нѣсколько тысячъ разъ больше, чѣмъ людей нѣжныхъ и свободныхъ. Кистяковский прямо говоритъ, что «въ эпоху республики Римъ наполнился огромнымъ количествомъ рабовъ; нѣкоторые римляне имѣли въ своихъ домахъ до 10 тысячъ рабовъ»...

«Рабство», говоритъ Кистяковский, «является обильнѣйшимъ источникомъ смертной казни; поэтому законы Порція на которые ссылаются почти всѣ ученые,

на самомъ дѣлѣ устанавливають лишь *несправедливую привилегію* специально для римскихъ гражданъ, минуя жителей провинцій и рабовъ»...

Такъ вотъ, господа,—оказывается, что и знаменитые ученые иногда до того увлекаются республикой или парламентомъ, что готовы идти противъ непреложныхъ историческихъ фактовъ, забывая и честь и достоинство ученаго, чтобы только провести симпатичную имъ идею!... Я увѣренъ, что если бы и у насъ утвердился тотъ парламентскій строй, духомъ котораго, не станемъ скрывать, проникнута и наша Г. Дума и избирательный законъ системы Витте-Гурляндъ,—тогда кадетско-еврейская партія сумѣла бы своими законами доказать, подобно Миттермайеру, что русская народность въ Россіи состоитъ изъ людей «грубыхъ и несвободныхъ», изъ „черной сотни“, а потому и не подходящихъ подъ дѣйствіе гуманныхъ законовъ, о которыхъ она кричитъ и толкуетъ. Можно бы привести и еще нѣсколько примѣровъ подобнаго увлеченія „представительной“ формой правленія не только изъ сочиненія Миттермайера, но даже и безпристрастнаго Кистяковского, выводы котораго не всегда вытекаютъ изъ приведенныхъ имъ фак-

товъ,—но я не хочу быть жестокимъ къ русскому профессору, такъ много трудившемуся надъ вопросомъ о смертной казни и не пойду въ своихъ примѣрахъ дальше приведеннаго.

Другая, подмѣченная мною, черта въ научныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросу о смертной казни, слѣдующая: о смертной казни за, такъ называемыя, государственныя преступленія, и терроръ—въ частности,—писатели или скромно умалчиваютъ, или говорятъ вскользь, глухо, отдѣливаясь общими фразами, какъ Миттермайеръ, Кистяковский и друг. Специальныхъ же сочиненій по этому вопросу, если не считать макулатуры, накопившейся за послѣднее время, совсемъ мало. Лучшимъ считается сочиненіе Гизо „О смертной казни за политическія преступленія“ (de la peine de mort en matière politique).

Но въ сущности и Гизо мало выясняетъ вопросъ, и сочиненіе его, написанное въ 1822 году, кажется намъ теперь отсталымъ, заполненнымъ избитыми и либеральными фразами, полными любви къ преступнику и забвеніемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ...

Перехожу къ исторіи смертной казни.

ГЛАВА I.

Исторія смертной казни.

Было бы скучно, господа, если бы, слѣдуя завѣту старинныхъ историковъ, я сталъ излагать процессъ развитія и вымиранія смертной казни въ хронологическомъ порядкѣ, въ различныхъ государствахъ. Я думаю, что это отжившій и ложный приемъ. Я увѣжденъ, что для историческаго пониманія изслѣдуемаго явленія важно 1) указать не годъ и мѣсто событія, а подчеркнуть и объяснить тѣ причины и условія, которыя порождали въ различные эпохи смертную казнь; 2) подтвердить историческими примѣрами справедливость своихъ выводовъ и 3) указать—сохранились ли эти причины, или народились другія, оправдывающія смертную казнь у насъ,—и, если да, то въ какихъ предѣлахъ и за какія, именно, преступленія.

Причины обилія смертной казни и жестокости уголовныхъ законовъ въ исторіи всѣхъ народовъ.

Таковыми причинами я считаю:

- 1) Отсутствіе неограниченной и сильной наследственной власти;
- 2) Рабство и крѣпостное право;
- 3) Невѣжество и суевѣрія народныхъ массъ и безчестность руководителей ихъ.

Вотъ три важнѣйшихъ фактора, сыгравшихъ роковую роль въ исторіи человечества—вообще, и въ исторіи смертной казни—въ частности.

Тамъ, гдѣ эти три явленія проявлялись одновременно и дѣйствовали *совмѣстно*, тамъ мы встрѣчаемъ исключительное обиліе висѣлицъ, костровъ, топоровъ,

а позднѣе—это уже усовершенствованіе французской революціи—гильотинѣ.

Въ странахъ и въ эпохи, когда указаны три фактора—отсутствіе единой, наследственной, сильной власти, рабство и невѣжество массъ, руководимыхъ дурными пастырями,—существовали и царили надъ человѣчествомъ лишь въ *отдельности*, *порознь*—мы наблюдаемъ уже уменьшеніе и числа преступленій, и смертныхъ казней и смягченіе самыхъ уголовныхъ законовъ.

Наконецъ въ государствахъ, гдѣ стало существовать могучая власть неограниченныхъ Наслѣдственныхъ Самодержцевъ, гдѣ она сильна, какъ божество, и блестяща, какъ солнце, въ государствахъ, гдѣ просвѣщеніе народное попало въ разумныя руки и не выродилось въ пропаганду антигосударственныхъ и безбожныхъ идей,—въ такомъ Царствѣ не можетъ быть висѣлицъ и гильотинъ—онѣ должны рухнуть: потому что злость и силу преступника побѣждаетъ могущество Монарха, твердость законовъ, вѣрность правительства и свободного, мирнаго населенія.

Обратимся къ исторіи народовъ.

Древнія государства.

Начну съ классическихъ странъ *Греціи* и *Рима*.

Намъ такъ долго и упорно твердили о доблести спартацевъ и высокой культуры афинянъ и римлянъ, что, право, господа, мнѣ даже совѣстно указывать на такіе въ жизни этихъ великихъ народовъ недостатки, которые, въ нашихъ глазахъ, неизгладимымъ пятномъ клѣмятъ всю культуру древнихъ; и какъ бы ни старались намъ прикрыть это пятно общими ссылками на особые экономическія или религіозныя условія тогдашней общественной жизни—его не смыть и не прикрыть: *рабство большинства населенія, возведенное въ культъ, не можетъ быть оправдано челоѣческой правдой, особенно—если это рабство летѣтся и воспринимается у народовъ, достигшихъ высокой степени цивилизаціи.*

Въ *Спартѣ*, даже въ *Афинахъ*, въ эпоху развитія философіи, поэзіи и скульптуры, республиканскій строй допускалъ безнаказанность за убійство подневольнаго человѣка—раба. Даже Платонъ, какъ указываетъ Pastoret въ своемъ сочиненіи *des lois penales* (т. II, стр. 48),

лучшій и просвѣщеннѣйшій изъ грековъ, жившій притомъ во времена смягченія рабства, не допускалъ равенства наказаній для рабовъ и гражданъ, и доказывалъ, что *начаянное* убійство рабомъ свободного равняется по важности *намыренному* убійству раба. Также и Аристотель отстаивалъ рабство, утверждая, что «отъ золота рождается золото, а отъ рабыни—рабъ».

Можно себѣ легко представить, каковы были взгляды и отношеніе къ рабамъ ихъ владѣльцевъ: смертная казнь безъ суда, безъ разбирательства, практиковалась фактически въ огромныхъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что республиканская власть, находясь въ рукахъ тѣхъ же рабовладѣльцевъ поддерживала послѣднихъ.

Du Boys, на 117, 118 и 126 стр. своего сочиненія *Hist. du droit. crim. des reup. anciens*, указываетъ, что въ *Спартѣ* правами полного гражданства пользовались только *десять тысячъ* спартиатовъ; подъ ихъ властью находились не имѣвшіе полныхъ правъ гражданства лакедемонцы и совершенно лишеныя правъ илоты.

Jules Loiseleur, въ сочиненіи *Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes* (р. 45 и др.), говоритъ, что въ *Спартѣ* казнили илота за то, что онъ гордо держалъ голову.

Эфоры, при вступленіи въ должность, часто объявляли *криптію*, т. е. тайную войну противъ класса рабовъ. По объявленіи криптіи, молодые спартиаты разсылались по деревнямъ и, скрываясь днемъ въ лѣсу, ночью убивали тѣхъ изъ илотовъ, которыхъ они встрѣчали на пути.

Спартиаты отвѣчалъ передъ закономъ, если онъ не лишалъ, посредствомъ изуродованія, силы тѣхъ рабовъ, которые родились съ крѣпкимъ организмомъ.

Фукидидъ, жившій въ V в. до Р. Х., современникъ Сократа и Аристотеля, рассказываетъ, что для веденія одной войны, спартиаты вынуждены были вооружить большое количество илотовъ. По окончаніи войны, они отдѣлили наиболѣе отличившихся въ сраженіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что хотѣтъ увѣнчать ихъ пѣнтами и дать имъ свободу, и когда успѣли отдѣлить отъ своихъ товарищей и разбѣстять ихъ по одиночкѣ, тогда предали ихъ смерти. (Du Boys. *Hist. du droit crim. des reup. anciens*, р. 121).

Положеніе рабовъ въ *Римскомъ* государствѣ было особенно тяжело въ періодъ *республики*.

«Римъ въ концѣ республики», говоритъ Кистяковский, наполнился «огромнымъ количествомъ рабовъ: нѣкоторые римляне имѣли въ своихъ домахъ до 10 тысячъ безправныхъ и беззащитныхъ рабовъ».

Ни одинъ народъ древности не выразилъ такъ послѣдовательно и такъ рѣзко въ практикѣ ученіе о томъ, что рабъ есть вещь (res по релюпа), принадлежащая господину,—какъ выразили это просвѣщенные римляне.

Законъ Аквилія говоритъ: тотъ, кто безъ права убьетъ чужого раба или чужое домашнее животное, платитъ самую высокую цѣну, по которой подобныя животныя или рабы шли въ теченіе года. *In eorum nihil non domino liceat*—господину все дозволено дѣлать съ рабомъ—такъ говорили римляне.

Римское рабство является неизсякаемымъ источникомъ смертныхъ казней. За что лица другихъ классовъ отплачиваются или штрафомъ, или тюрьмой, за то рабы идутъ на *крестъ*» (Кистяковский).

«Въ случаѣ убійства господина, всѣ его рабы, жившіе съ нимъ подъ одною крышей, подвергались пыткамъ и смертной казни».

Этотъ обычай въпослѣдствіи былъ утвержденъ сенатскимъ постановленіемъ Силанія, которое одни относятъ къ временамъ Августа, другіе—къ концу республики.

Культурные римляне не стѣснялись изобрѣтать самыя разнообразныя казни для рабовъ, каждый «гражданинъ» по своему собственному вдохновенію:

Рабовъ вѣшали, низвергали съ возвышеннаго мѣста, заставляли умирать съ голоду, вводили имъ въ вены ядъ, сожигали медленнымъ огнемъ, разрывали тѣло на куски, и потомъ оставляли ихъ, рабовъ, живыми сгоривать, бросали на сѣдненіе звѣрямъ или заставляли «сражаться» съ ними голыми руками, безъ оружія, для потѣхи толпы свободныхъ гражданъ. Но самый употребительный родъ смертной казни былъ у римлянъ—распятие на крестѣ. Для исполненія этой казни существовалъ особый палатъ, жившій внѣ Рима, и особое мѣсто казни—*sestertium*. Оно находилось внѣ города и представляло видъ лѣса: такъ много было тамъ крестовъ. Рабовъ распинали живыми на крестѣ, чтобы они медленно умирали отъ голода и страданій и служили бы пищею коршунамъ

(Loiseleur, Les crimes et les peines, p. 90-91).

Но какъ только въ Римѣ зарождается императорская власть—она немедленно стремится установить законы, охраняющіе жизнь раба отъ произвола господина. Въ то время, какъ въ періодъ республики Аристотель и, позднѣе, Цицеронъ считали рабовъ чѣмъ то среднимъ между животнымъ и человекомъ,—въ періодъ языческой Имперіи, въ царствованіе даже тирана Нерона (54-58 г. по Р. Х.), появляется Сенека, который проповѣдуетъ стоическую доблесть и возстаетъ противъ рабства.

Юристы 3-го и 4-го вѣковъ по Р. Х., т. е. періода Имперіи, востаютъ противъ рабства. Юристъ Флорентинъ считаетъ рабство учрежденіемъ, противнымъ природѣ; Ульпіанъ говоритъ, что по естественному праву всѣ равны. (Du Boys. Hist. du droit crim. des reup. anciens, p. 642, 643).

Конечно, римская имперія—языческая, да и христіанская, не можетъ быть поставлена за образецъ идеальнаго или справедливаго отношенія къ своимъ подданнымъ: рабство, а затѣмъ—крѣпостное право, унаслѣдованное отъ республиканскаго строя, отсутствіе опредѣленнаго порядка наслѣдованія престола, ограниченность и зависимость власти императоровъ, которыхъ назначали—то вліятельная партія Сенаторовъ, то преторіанцы и солдаты—все это являлось такими условіями, при которыхъ императорская власть въ Римѣ не могла окрѣпнуть и часто вырождалась въ чудовищную тиранію и необузданный личный произволъ; но, господа, важно то, что даже и при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, свѣтлая идея монархіи какъ-то чудомъ прорывалась наружу и тогда угнетенная масса населенія получала, если и не благотворные законы, то—мимолетную надежду и облегченіе.

Даже при ужасномъ Неронѣ издается законъ Петронія, который запрещаетъ принуждать рабовъ сражаться со звѣрями.

Разумѣется, это постановленіе осталось мертвой буквой.

Другіе примѣры: Императоръ Адрианъ пытается изъять рабовъ изъ уголовной подсудности ихъ господъ, и подчинить ихъ общимъ судамъ. Клавдій объявилъ свободными больныхъ рабовъ, покинутыхъ своими господами.

Антонинъ издалъ законъ, по которому господинъ, убившій своего раба, считается челоуѣкоубійцей. При *Неронѣ*, сенатскимъ постановленіемъ объявляется, что тотъ, кто изъ корысти или по капризу сбѣгаетъ раба евнухомъ—долженъ быть наказанъ. При *Траянѣ* за такое дѣяніе конфискуется $\frac{1}{2}$ имѣнія (Loiseleur, ibid, p. 96-97).

Императоръ *Голба*, при вступленіи на престолъ объявлялъ общее освобожденіе рабовъ, но впоследствии отступилъ передъ опасностями этого дѣла. (Du Boys, Hist. du dr. crim. des reup. anc., p. 643).

Таковы попытки римскихъ императоровъ облегчить участь поработеннаго населенія;—въ эпоху же республики мы не встрѣчаемъ даже попытокъ въ этомъ направленіи. Laboulaye заблуждается, какъ и Миттермайеръ, высказывая въ своемъ сочиненіи «Essai sur les lois criminelles» такое положеніе: «Законы Валеріевъ и Порціевъ отняли у консуловъ и сената власть подвергать смерти римскихъ гражданъ за преступленіе; одинъ только народъ могъ произносить смертный приговоръ» (стр. 87 — 95, 100). Кистяковский по этому поводу говоритъ буквально слѣдующее: «Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что эти законы распространялись на всѣхъ гражданъ, безъ различія. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Цумпта (Zumpt. Das Criminalrecht der römischen Republick, B. I, Abt. 2, 64—65 стр.), низшій классъ римскихъ гражданъ, т. е. даже не рабы, не ограждены были отъ жестокаго произвола и подвергались самымъ позорнымъ казнямъ. Въ доказательство этого Цумптъ приводитъ, изъ *временъ уравниенія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ*, нѣсколько примѣровъ самой позорной казни посредствомъ застѣненія *всѣма даже почтенныхъ* лицъ, но принадлежащихъ къ низшему разряду гражданъ».

Кромѣ того, жизнь *провинціала* не была ограждена отъ произвола: проконсулы и пропреторы пользовались въ провинціяхъ абсолютною властью и въ томъ числѣ правомъ казнить смертью. Извѣстно, чѣмъ были эти правители для провинцій: ¹⁾ едва ли исторія можетъ представить другой примѣръ такихъ чиновническихъ грабежей, насилій и преступленій, какіе они совершали въ управляемыхъ ими странахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ

провинціалъ, лицо низшей породы, платился жизнью за большія и малыя преступленія, въ то время, какъ проконсульское управленіе естественно вызывало безпрестанные поводы для казней,—грабившій и совершавшій всѣ виды преступленій оптиматъ и откупщикъ были спокойны за свою жизнь» (см. Laboulaye, указанное сочиненіе, p. 11—15, 87, 163, 173—178).

Древніе Греція и Римъ не представляли, однако, исключенія изъ общаго правила: они являлись въ то время лишь типичными въ вопросѣ о примѣненіи смертной казни и подтверждали только лишній разъ не всѣмъ доступную истину, что ни высокая цивилизація, ни блестящіе юристы и ораторы не въ силахъ оградить интересовъ большинства подданныхъ государства, если во главѣ его не стоитъ насмѣдственный и неограниченный въ своемъ божественномъ величіи монархъ, а стоитъ случайный демагогъ, тиранъ или другой калифъ на часъ, выдвинутый игрою счастья, вліяніемъ партій или вышпательствомъ чужеземцевъ. Исторія неумолимо говоритъ намъ, что монархія гибнетъ, когда въ ложномъ заблужденіи она воспринимаетъ республиканскія учрежденія, т. е. парламентъ со всѣми его злостными послѣдствіями, о которыхъ я уже говорилъ.

Конечно, господа, мѣрить правду и счастье народовъ аршинами не приходится, но если ужъ говорить объ относительномъ благополучіи массы населенія, то можно смѣло сказать, опираясь на историческіе факты, что власть Самодержца, ничѣмъ, кромѣ доблестныхъ традицій и любви къ народу своему, не ограниченнаго—ни парламентомъ, ни феодалами, ни злостными временщиками—въ тысячу разъ выше, чище и счастливѣе для населенія, чѣмъ случайная власть правителей, избранныхъ партіей отъ имени народа.

Востокъ.

Не одни цивилизованные римляне и греки проливали въ изобиліи кровь своихъ ближнихъ: всѣ *восточные* народы, признававшіе рабство и власть деспота, ограниченного фактически кастою жрецовъ, браминовъ и другихъ замѣнутыхъ партій, шли по тому же пути. И чѣмъ сильнѣе была власть такой касты, чѣмъ безправнѣе было положеніе рабовъ, тѣмъ

¹⁾ Читай, напр., рѣчи Цицерона противъ Верреса.

безсердечные карали ихъ восточные уголовные законы. Характернымъ въ этомъ отношеніи является *законодательство Индии*.

Въ Индіи классъ рабовъ составляли судры. Даже по позднѣйшимъ законамъ *Ману* положеніе ихъ крайне тяжкое. Въ іерархіи существъ они поставлены послѣ слона и лошади.

Судра есть существо нечистое, пораженное божественною справедливостію; при рожденіи онъ получаетъ имя, выражающее отвращеніе и зависимость.

Браминамъ запрещается даже прикосновеніе къ нимъ.

Браминъ—неограниченный владыка судры, его имущества, семьи и жизни. Отъ всякаго преступленія индеецъ могъ очиститься: но чьи губы осквернены прикосновеніемъ губъ судры, кто зараженъ его дыханіемъ и имѣетъ отъ него дѣтей, тому законъ не опредѣлялъ искупленія (*Lois de Manou*, III, 16, 17).

За словесное оскорбленіе члена высшей касты—судры отрѣзывали языкъ.

За оскорбленіе *Dwidia* (члена особой корпорации, носившаго священный поясъ)—судры вонзаютъ въ уста раскаленный кинжалъ въ 10 дюймовъ.

Если судра осмѣлится высказать брамину свое мнѣніе относительно его обязанностей, ему вливаютъ въ ротъ и уши кипящее масло.

За похищеніе самого судры—штрафъ, —а за воровство лошади, коровы или цѣтловъ брамина—смертная казнь или отсѣченіе руки.

Еще ниже цѣнилась жизнь *паріевъ* или отверженныхъ кастъ, которые были лишены всѣхъ правъ и исключены изъ общества. *Ману* повелѣваетъ, чтобы паріи жили внѣ деревень, носили одежду мертвыхъ, чтобы ни одинъ человекъ, вѣрный своимъ обязанностямъ, не имѣлъ съ ними общенія.

Убить парія—значитъ не болѣе, какъ убить наскѣваемое. (Неволинъ. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 99).

Итакъ, на древнемъ востоцѣ, какъ и въ цивилизованныхъ Греціи и Римѣ, форма правленія и учрежденіе рабства создаютъ однородное положеніе въ вопросѣ о смертной казни: *пока господствуетъ рабство, пока нѣтъ законной неограниченной наследственной власти Монарха, никакая цивилизація не въ силахъ смягчить жестокость и неравномерность законовъ: ограниченные случайные*

Монархи *милѣ пытаются* облегчить участь порабощеннаго населенія.

Обратимся къ среднимъ вѣкамъ.

Средневѣковыя государства.

Здѣсь, въ общемъ, та же картина, несмотря на измѣнившіяся религіозныя и общественныя условія.

Тѣ же причины, что и въ древнемъ мірѣ, только въ иныхъ нѣсколько формахъ—крѣпостное право смѣнившееся прямое рабство, бессиліе и слабость монарховъ, ограниченныхъ папами, феодалами и сеньорами, вырожденіе древняго христіанства въ средство политической борьбы за власть—всѣ эти причины не могли не отразиться на внутренней жизни средневѣковыхъ народовъ, не могли не остаться безъ вліянія и на законы о смертной казни. Здѣсь, какъ и вездѣ, во всѣ времена, далъ себя знать, кажется, единственный неизмѣнный законъ общественной жизни, который гласитъ, что въ томъ государствѣ, гдѣ отсутствуетъ единая, наследственная и могущественная власть Монарховъ, признанная народамъ—нѣтъ ни порядка, ни мира, ни силы, ни личной безопасности, что такое государство неизбѣжно вырождается и гибнетъ, вслѣдствіе непрестанной борьбы партій, смѣны властей, шаткости законовъ и угнетенія націй случайнымъ правителямъ.

Никакая цивилизація не въ силахъ спасти такое государство и народъ отъ внутренней смуты, анархіи и неизбѣжной политической смерти: такова судьба республиканскаго Рима, выродившагося въ тиранію, такова судьба французской монархіи, воспринявшей республиканскія учрежденія, —Польша, и стоящихъ сейчасъ на очереди: Америки, снова Франціи, Испаніи, Италіи и, не дай Богъ, Россіи, за которую мы и подняли борьбу.

Отсутствіе силы неограниченной власти монарха дѣлаетъ для государства опаснымъ преступника, ставитъ страну въ положеніе первобытной беззащитности и вынуждаетъ правительство прибѣгать къ частымъ казнямъ.

Напротивъ, тамъ, гдѣ власть сильна, какъ у насъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II-ой, Николаѣ I-мъ, Александрѣ II-омъ и Александрѣ III-омъ—она не бесѣдуетъ съ заговорщиками или преступниками: могучимъ ударомъ она подавляетъ зло въ